

Цзюйжэнь Тан произнес:

— Племянник, раньше я поступал неправильно. Эх, как и говорила твоя тетушка, мне, как старшему в роду, не следовало перекладывать обиды прошлого поколения на твои плечи. Ты получил «малый саньюань» на начальном экзамене, и по правилам семья Тан должна открыть ради тебя храм предков. Согласен ли ты?

Тан Шэнь немного подумал и спросил:

— Дядя, вы всё никак не можете отпустить то, что мой отец не приехал в управу Гусу на похороны, когда скончалась Старая госпожа Тан?

— Раз уж ты сам всё понимаешь, к чему ворошить былое? Это дело прошлое.

У отца Цзюйжэня Тана было всего двое сыновей: сам Цзюйжэнь Тан и Сюцай Тан. Цзюйжэнь Тан считал, что его мать всегда хорошо относилась к Сюцаю Тану, и какие бы разногласия ни существовали между братьями, Сюцай Тан не имел права оставаться безучастным, когда мать уходила в мир иной! Эта обида глубоко засела в его сердце. И то, что сейчас он чувствовал вину перед Тан Шэнем, было лишь осознанием того, что не следовало перекладывать ошибки Сюцая Тана на его детей, брата и сестру.

Тан Шэнь сказал:

— Разумеется, я приму участие в поклонении предкам. Только есть одно дело, в котором я бы хотел попросить помощи у вас и у тетушки.

Цзюйжэнь Тан спросил:

— Какое же?

— Позвольте нам с сестрой зажечь благовония перед Старой госпожой Тан вместо нашего отца.

Цзюйжэнь Тан замер в безмолвии.

На следующий день Тан Шэнь вместе с Тан Хуан отправились на родовое кладбище семьи Тан и зажгли благовония на могиле Старой госпожи Тан. Тан Шэнь облегченно вздохнул: отныне он считал, что больше ничего не должен семье Тан.

Цзюйжэнь Тан произнес:

— Племянник, я был неправ в своих прежних поступках!

Тан Шэнь ответил:

— Не стоит говорить об этом, дядя.

Узнав, что Тан Шэнь стал лучшим на начальном экзамене, в усадьбу съехались все члены клана семьи Тан из пяти уездов управы Гусу. Цзюйжэнь Тан взял на себя все заботы по открытию храма предков. Перед поминальными табличками прародителей он поведал небу, земле и предкам о выдающихся успехах их потомка, Тан Шэня. Родственники один за другим осыпали юношу поздравлениями. Цзюйжэнь Тан устроил в честь Тан Шэня грандиозный непрерывный пир на сто столов, который длился три дня и три ночи, празднуя на всю управу Гусу.

Когда черед этих торжеств наконец подошла к концу, Тан Шэнь вернулся домой и без сил рухнул на кровать.

— Если я еще и на провинциальном экзамене стану Цзеюанем, это же с ума сойти можно! Я же просто помру от усталости на этих поклонениях предкам!

Вошедшая в комнату Тан Хуан как раз услышала эти слова. Девочка радостно спросила:

— Брат, ты собираешься стать Цзеюанем?

— Я такого не говорил, не наговаривай на меня, — ответил Тан Шэнь.

— Будь это кто-то другой, я бы не поверила. Но раз это мой брат, ты обязательно справишься!

Тан Шэнь не знал, смеяться ему или плакать. Вот уж действительно: новорожденный теленок тигра не боится, смелость от незнания! Стать Цзеюанем на словах легко, но на деле это ничуть не проще, чем занять первое место на экзаменах по всей провинции в его прошлой жизни. К тому же экзаменационный округ провинциального экзамена, к которому принадлежал Тан Шэнь, в современном мире соответствовал выпускным экзаменам в провинции Цзянсу с их адской сложностью! Стать Цзеюанем — все равно что занять первое место в провинции Цзянсу, да к тому же единственное на все три года!

— Ну ладно, ты зачем пришла? — спросил Тан Шэнь.

Тан Хуан вспомнила о деле:

— Последние несколько дней мы только и делали, что пировали у дяди, и совсем не бывали дома. Сегодня мы наконец-то вернулись, и Тётушка Яо послала меня спросить, что мы будем есть на ужин. Предыдущие дни тебя чествовал Цзюйжэнь Тан. А сегодня, брат, мы отпразднуем в нашем узком семейном кругу.

На душе у Тан Шэня потеплело.

— Хорошо. Попроси Яо Саня позвать Счетовода Линя с семьей, а еще пусть сходит в Поместье Лян и узнает, свободен ли Господин Лян.

— Ладно. Так что же мы будем есть?

Тан Шэнь немного подумал и вдруг предложил:

— Будем есть хого!

Вскоре Яо Сань привел Счетовода Линя с его домочадцами. Господин Лян прийти не смог — в управе Гусу было слишком много дел, с которыми он еще не закончил. Однако он передал через Яо Саня прописи в подарок Тан Шэню со словами: «В тот день я уехал в спешке, а в эти дни был занят написанием прописей, так что не успел поздравить тебя с тем, что ты стал лучшим на начальном экзамене. Я, твой учитель, дарю тебе эти прописи и надеюсь, что ты будешь усердно тренировать почерк, чтобы вновь одержать победу на провинциальном экзамене».

Тан Шэнь потерял дар речи.

Тан Хуан удивленно спросила:

— Брат, но ты же говорил, что пишешь просто великолепно и сам Великий ученый Лян тебя хвалил?

Спрятав прописи за спину, Тан Шэнь беззастенчиво возразил:

— То, что учитель велит мне практиковаться, вовсе не значит, что я плохо пишу! Глупая ты девчонка, разве не знаешь, что учению нет предела? Век живи — век учись! Учитель хочет, чтобы я занимался, ради достижения еще большего совершенства!

— Ну да, так я и поверила, — хмыкнула Тан Хуан.

Тан Шэнь промолчал.

«И за какие грехи мне досталась такая сестрица? Не на улице же ее подобрали!» — подумал он.

Не успел Тан Шэнь и слова вымолвить, как Тан Хуан уже убежала на кухню:

— Тётушка Яо, Господин Лян сказал, что у брата некрасивый почерк, и подарил ему прописи, чтобы тот тренировался!

Тан Шэнь мысленно взвыл: «Сор из избы не выносят, глупая ты девчонка!!!»

С наступлением ночи Тан Шэнь с сестрой, семья Яо и Счетовод Линь со своими близкими собрались во дворе. Посреди двора росла раскидистая шелковица. Тётушка Яо выставила под дерево большой стол. Ужинать летним вечером на свежем воздухе под сенью листьев, озаренной ярким лунным светом, было по-особенному уютно.

Тётушка Яо обратилась к нему:

— Молодой хозяин, как вы и просили, я принесла печь-жаровню и железный котелок, а еще вымыла зелень и овощи. Но вот насчет того, чтобы нарезать свинину и баранину тонкими ломтиками... Я не знала, как лучше подступиться, поэтому просто постаралась нарезать как можно тоньше. Посмотрите, так пойдет?

Тан Шэнь взглянул на мясо: и свинина, и баранина были нарезаны довольно тонко. Пусть не до прозрачности, как в его прежнем мире, но для еды вполне годилось.

В древности употребление говядины в пищу было строго запрещено. Без официального разрешения властей любого, кто осмеливался полакомиться ею, ждала тюрьма и суровое наказание. Объяснялось это тем, что быки и коровы служили главной тягловой силой в сельском хозяйстве. Скот пахал землю, и каждое животное представляло собой огромную ценность. Простые семьи никогда бы не забили собственного вола — это означало бы лишиться себя средств к существованию. Да и чиновники не позволяли самовольно забивать рабочий скот.

Тан Шэнь мысленно сожалел, что полакомиться тонкими рулетиками из говядины ему вряд ли удастся. Впрочем, бараньи рулетики тоже были недурны, а свинина оставалась лишь вынужденным компромиссом.

— Тётушка Яо, а костный бульон, который я просил приготовить, уже готов? — спросил Тан Шэнь.

— Готов, готов! Томился весь день с самого обеда, навар получился на славу!

— Отлично, тогда ставьте котелок с бульоном на жаровню, и начнем наше хого.

Яо Сань удивленно спросил:

— Хого? Молодой хозяин, вы имеете в виду Посягун?

Тан Шэнь опешил:

— Посягун?

— Ну да. Ой, неужели вы хотели приготовить не Посягун?

Тан Шэнь совершенно запутался.

Лишь после объяснений Яо Саня до Тан Шэня дошло, что в древности, оказывается, уже давно существовало хого! Просто называли его иначе — Посягун.

— Как только я услышал, что вам нужна жаровня, сразу подумал, не решили ли вы отведать Посягун, — рассказывал Яо Сань. — А когда вы попросили мою матушку вымыть овощи, сомнений не осталось. А вот о «хого» я слыхом не слыхивал.

Счетовод Линь, поглаживая бороду, вставил:

— А я, кажется, понимаю, о чем говорит молодой хозяин. Посмотрите на угли в печи и на этот железный котелок. Есть огонь, есть котелок — вот вам и огненный котелок, хого.

— И то верно! Название «хого» звучит куда нагляднее.

Тётушка Яо подала все заготовленные продукты. Собравшиеся уселись в круг и принялись опускать в кипящий бульон тонкие ломтики мяса и овощи.

Тан Шэнь-то думал, что угостит всех невиданным деликатесом из будущего. Но, к его удивлению, Тётушка Яо знала о тонкостях этого блюда не меньше него. Она сходила на кухню и принесла каждому по пиале соуса собственного приготовления — со смесью чеснока, зеленого лука, соевого соуса и других специй, чтобы макать туда готовое мясо.

Уверенность Тан Шэня в собственной оригинальности заметно поубавилась. Однако тут Тётушка Яо заметила:

— Никогда бы не подумала, что если приготовить Посягун на костном бульоне, получится так вкусно. Мы с Сань-эром пробовали Посягун, когда жили в Шаньси, но там мы варили все просто в чистой воде, а потом макали в соус. С этим бульоном и сравнивать нечего!

— Просто в чистой воде? — переспросил Тан Шэнь.

— Ну да. Как-то даже в голову не приходило, что можно варить в чем-то другом.

Глаза Тан Шэня загорелись. Стоило им закончить с ужином, он позвал Счетовода Линя в комнату и спросил:

— Я хочу открыть трактир, который будет специализироваться исключительно на хого. Счетовод Линь, как думаете, дело выгорит?

Счетовод Линь опешил:

— Это... дело вполне осуществимое, просто никому раньше такое не приходило в голову.

Тан Шэнь сделал пару кругов по комнате, затем остановился и спросил:

— Вам самому сегодняшнее хого понравилось? Было вкусно?

— Изумительно! Насыщенный вкус бульона пропитал каждый кусочек, это было превосходно!

— Значит, открываемся! — решительно произнес Тан Шэнь.

На следующий день Тан Шэнь попросил Тётушку Яо снова приготовить жаровню и котелок. Та решила, что хозяин опять хочет полакомиться Посягуном, но Тан Шэнь попросил лишь вымыть горсть зелени и нарезать немного баранины. Сложив продукты в котелок, он принялся терпеливо засекал время, необходимое для их варки.

— Долговато получается, — пробормотал он.

Такие печи-жаровни были придуманы чайными мастерами прошлой династии и предназначались исключительно для кипячения воды под чай. Приготовление чая требовало неторопливости и размеренности. В нижней части жаровни имелись три отверстия для притока воздуха, поддерживающего горение угля, однако сильного пламени они не давали. Для домашнего хого на один раз такая печка вполне подходила, но при ресторанном потоке гости быстро потеряли бы терпение, и дело бы прогорело.

<http://bllate.org/book/18292/1754461>